

Оружие мичмана Кернуса

> В культурном пространстве города
был арт-проект, оставшийся неизвестным

ЧТО НИ ГОД, конец весны и начало лета остаются временем обращения к теме войны. Есть в ней местечко и для необычного человека.

Читатели, следящие за нашими публикациями, возможно, припомнят Ивана Кернуса, переехавшего в Магнитку из Костаная. Мичман Тихоокеанского флота, он захватил во время срочной службы месяц войны СССР с Японией, и так и остался верен славе дальневосточных рубежей. Остался и патриотом Казахстана, куда в сталинские годы сослали его семью и где

десятилетия отдал целинному сельскому хозяйству. Он не сложил оружия – памяти о прошлом, когда новый век принес забвение давним событиям. В его съемной магнитогорской квартире из открыток и газетных вырезок, наклеенных на ватман, годами создавалась панорама истории СССР. «ММ» рассказывал об увлечении ветерана в октябре 2009 года в публикации «Языком плаката». В те дни он представлял раздел панорамы, посвященный Великой

Отечественной. На входе в комнату, где не было ничего кроме дивана для гостей и плаката семь на два метра, висела самодельная табличка «Памятник Победы».

– Это мой музей, – подтвердил хозяин, одетый к приходу журналистов в костюм с медалями, белую рубашку.

– Помогите галстук завязать, – попросил он.

И уже при полном параде пригласил на осмотр экспозиции. Панораму выстроил, не боясь штампов, собрал в

содержание все, что в советские времена не сходило с плакатов – памятные фразы и привычные образы. Все было узнаваемо и немного наивно: темы – «Слава русскому народу и солдату за великую победу в ВОВ 1941–1945», «Они сражались за Родину», «Они вернулись с Победой», «9 мая скажи спасибо ветерану, пока есть кому сказать». Иллюстрации к темам – портреты, орденские ленты и национальные узоры, изображения гербов и флагов.

Есть на панораме узнаваемые магнитогорские реалии – памятники, лица.

– Я должен отблагодарить магнитогорский народ, который принял меня на своей земле, – торжественно объясняет автор.

Нынче такой язык плаката кажется несовременным, а лет через двадцать, глядишь, за него схватятся коллекционеры соцарта. А у автора и зрителя домашнего музея есть и другие темы: «Пятидесятилетие Победы», «Семидесятилетие Костаная».

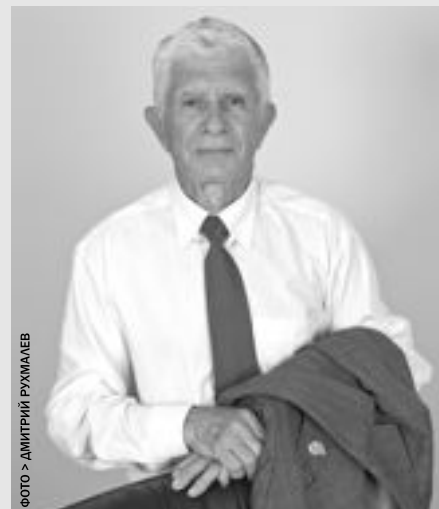
На прощание хозяин мягко пеняет журналисту за фразу из прошлой публикации о нем: «А что неаккуратно кое-где прикреплены картинки – так у ветерана из двух глаз зрячий только один, да и то вползрячий».

– Получается, что я полуслепый, – огорчается собеседник, давно перешагнувший за семьдесят. – Нет, я полузрячий.

С этим не поспоришь. Если добавить внутреннее зрение – придется признать прозорливость человека, не отказавшегося от прошлого: следующим поколениям оно еще пригодится ☺

> СТАРАЯ ГВАРДИЯ

Все по-правильному
НЕДАВНО отметил семидесятипятилетие Юрий Сало.

Трудовой стаж у него тоже немалый – за пятьдесят пять лет перевалил. Посчастливилось с профессией на всю жизнь. Сначала во втором «листе» приобрел специальность вальцовщика, а когда производство ленты-штрипса передали на калибровочный завод – перешел туда. Здесь ему предстояло собрать круглые ножи. Коллектив был молодой, Юрию Федоровичу только исполнилось двадцать три. Взялись за дело с азартом. Многие из тех, кто начинали тогда с ним, впоследствии стали славой предприятия, награждены орденами:

– Евгений Зайцев, Юрий Гурьянов, Виктор Алексеев, Виктор Щетинкин, – перечисляет юбиляр.

Сосед Юрия Сало по саду Юрий Полянский катал самую дорогую, тонкую ленту на двенадцативалковом стане. Выходцы с ММК, они вскоре вывели производство ленты в цехе ленты холодной прокатки на технологический уровень. Юрий Сало в первый же месяц получил премию за сборку ножей. А за год внес более двадцати рацпредложений. Сколько себя помнит, всегда был погружен в общественную жизнь – работал в комсомольской, партийной, а потом и в профсоюзной ячейке. Уйдя на пенсию в девяносто втором, не позволил себе скучать: трудился слесарем-сантехником в коммунальной сфере завода. Район обслуживаемых ЖКО домов – и Соцгород, и метизная площадка, и улица Вокзальная. Долгие годы был дворником в детских садах № 12, 16, 105, 135, 137. Им дорожили: на территории всегда было чисто. Только в этом году поставил точку в трудовой жизни. Но бездельничать себе по-прежнему не позволяет. И куда бы ни требовалось добираться – дойдет пешком. Настолько привык шагать на своих двоих, что до минуты способен рассчитать время в пути, причем никогда не опаздывает. Вырастил сыновей. Один стал предпринимателем, другой – менеджером в девятом «листе». Юбилей – хорошее время подытожить: все в жизни сделал правильно.

«Может, это брат?»

> Тяжело одному нести груз памяти об ушедших

СТАРУШКА просит редакцию помочь найти сведения о человеке, чью фамилию ее внучка встретила на памятной плите мемориала «Тыл–Фронту»: может, это без вести пропавший брат? Фамилия совпадает. И пусть под призыв он попал не в наших местах, но ведь мог умереть от ран в Магнитогорском госпитале. Так его фамилия могла попасть в скорбные списки Магнитки.

Звоню. Старушка смутно помнит брата, и, кажется, она единственная, кому до него еще есть дело. Как многие родственники погибших фронтовиков, бережно хранит справку Центрального архива Минобороны, хотя она не проясняет его судьбу: пропал без вести в сорок втором, других

сведений не поступало. Выслушивает меня внимательно, явно надеется на помощь, но ей сложно ориентироваться в современных реалиях. И хотя для ответа на ее вопрос достаточно знать, где составляли списки погибших, чтобы по цепочке дойти до судьбы носителя фамилии, но это не то поколение, которому легко даются переговоры и поиски. Она передает трубку немолодому сыну: он лучше вписан в нынешний день. До времени, пока найду сведения о носителе фамилии с мемориальной плиты, предлагаю поискать информацию о погибшем родственнике на специальных сайтах. Сын, по его словам, хорошо знаком с Интернетом, но адреса сайтов записывать не спешит. Что ж, опытный пользователь способен и сам сориентироваться в поисковике. Однако он переводит разговор на серьезные претензии властям всех уровней.

Возразить ему нечего: он – инвалид с юности, вместе с матерью прошел все круги страданий, о беспомощности знает все. И прав в упреке стране, забывшей своего освободителя: «Что значит «пропал без вести»? Тысячу раз прав, но рядом стоит мать и с надеждой ждет помощи в вопросе, который терзал ее десятилетия и сейчас готов превратиться в надежду. А сын вновь и вновь переживает вслух свои обиды. Есть еще дочь, но у нее дети, а у них проблемы, печалится старушка. И все, на что хватило родных, – посеять сомнения и новую боль в ее душе. Но – не помочь их рассеять.

На несколько недель теряю семью из виду, но поднимаю тему в городском совете ветеранов. Там есть сведения о запечатленных в камне, хотя на содержание записей, на основании которых составляли списки, надежды никакой: просто однофамилец. Однако

переговорить со старушкой следует: переспросить, поставить точку в этом деле. Пусть будет еще одно «нет», но оно ответит на ее вопрос, а возможно, подскажет новый путь поиска, сведет с другими ищущими. Звоню ей, сообщаю координаты «ответственного за память». Дальнейшего моего участия не требуется: все точки над i расставит личный диалог участников дела. И все же точит мысль: за время моего телефонного отсутствия никто в семье не предпринял попыток переговорить с советом ветеранов, хотя телефон я продиктовала еще при первом разговоре. Я тоже подвига не совершила: моя помощь была неисчерпывающей и необременительной. Но почему главная носительница семейной памяти без поддержки семьи проходит этот несложный для родных путь за самым важным для нее ответом? ☹

> От жизни надо брать, а не подбирать. Юрий КОВАЛЕНКО